

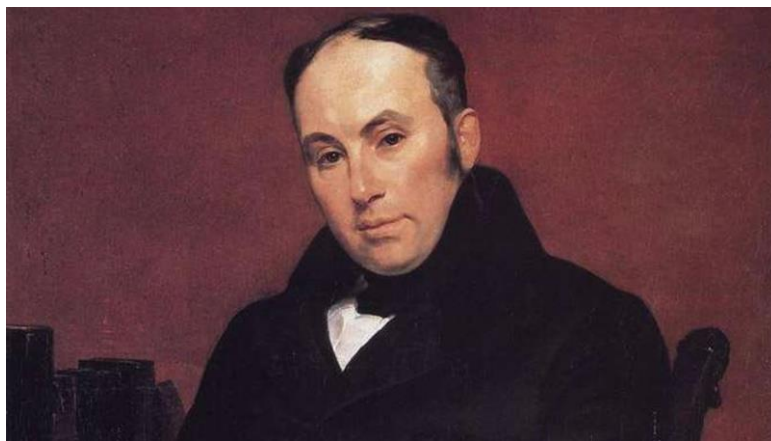
Иван Васильевич Киреевский родился 3 апреля 1806 г. в Москве. Он принадлежал к одному из самых старинных родов белевских и козельских дворян. Отец его, Василий Иванович Киреевский, служил в гвардии и вышел в отставку секунд-майором; женат он был на Авдотье Петровне Юшковой.

После смерти отца семья переехала в Долбино. Здесь прошли детские годы Киреевского и его брата. Село Долбино было далеко кругом

известно своею старинною церковью и находившеюся в ней местно чтимую чудотворною иконою Успения Божией Матери, и братья Киреевские в самом раннем детстве могли видеть воочию живые проявления цельной народной веры и глубокого благочестия.

Почти одновременно с Киреевскими в Долбино приехал и поселился там Жуковский, бывший в родстве с Авдотьей Петровной Киреевской, воспитанный вместе с нею и связанный с нею с детства нежною дружбою. Поэт прожил в Долбине с Киреевскими два года с лишком, и близость его не могла остаться бесследною для юного Ивана Киреевского.

Уже в 1813 году семилетним мальчиком Киреевский обращал на себя внимание пленных французских офицеров мастерскою игрою в шахматы. Десяти — двенадцати лет он был уже довольно хорошо знаком с лучшими произведениями русской литературы, языками французским и немецким и их литературами; также рано он перечел множество исторических сочинений и выучился математике; мальчиком тринадцати — четырнадцати лет он читал Локка и Гельвеция. В 1817 году А. П. Киреевская вышла во второй раз замуж за своего внучатного брата Алексея Андреевича Елагина Елагин, бывший сначала почитателем Канта, в 1818 году познакомился с сочинениями Шеллинга и, увлекшись этим философом, занялся изучением и переводом некоторых из его сочинений на русский язык; по вечерам возникали беседы и споры философского характера, и в них светлый ум и

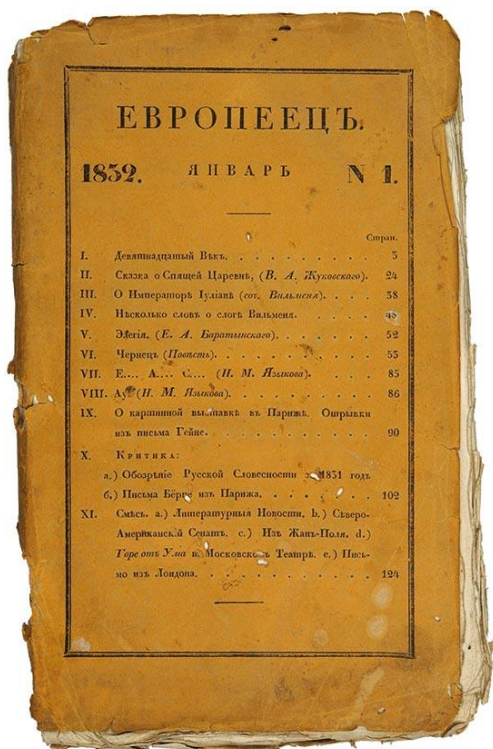
врожденные философские способности Киреевского находили самые благоприятные условия для своего развития и обнаружения.

В 1822 г., когда Елагины для дальнейшего образования детей переселились из Долбина в Москву, Киреевский явился в кругу своих сверстников уже основательно знакомым со многими положениями тогдашней немецкой философии. В Москве Киреевский стал учиться латинскому и греческому языкам и выучился им настолько, чтобы сдать так называемый комитетский экзамен; впоследствии он изучил древние языки более и основательно мог читать в подлиннике древних классиков и творения Св. Отцов. В Москве он учился еще английскому языку, брал уроки у Снегирева, Мерзлякова, Цветаева, Чумакова и других профессоров Московского университета и слушал публичные лекции по философии профессора Павлова.

В 1824 году, сдав комитетский экзамен, Киреевский поступил на службу в Московский Главный Архив Иностранной Коллегии, но ненадолго. Товарищами его по службе в архиве были братья Веневитиновы (Д. В. и А. В.), Шевырев, Кошелев и др. К ним примкнули Баратынский, Языков, Погодин, Максимович. Все это были молодые люди, одушевленные живыми литературными интересами и по большей части увлекавшиеся современной немецкой философией. Киреевский готовился посвятить себя литературе с живою верою в свое призвание.

В 1830 году Киреевский вместе с братом Петром едет в Германию. В Берлине он слушает лекции Гегеля, в Мюнхене — Шеллинга. Вернувшись в Россию, Иван Васильевич в 1832 году начинает издание журнала «Европеец», который был запрещен Николаем I за статью Киреевского «Девятнадцатый век», где усматривались требования конституции для России.

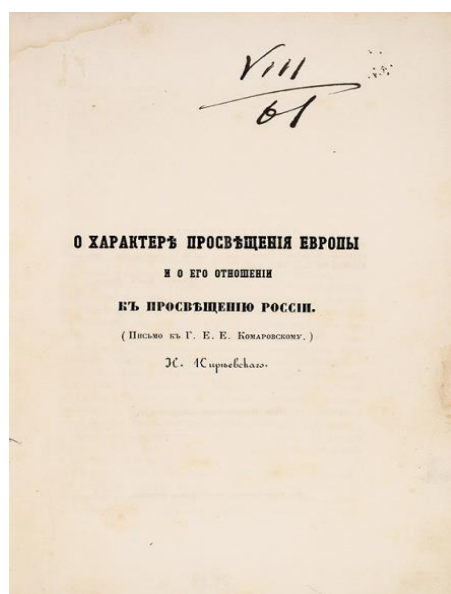
В 1834 году Киреевский женился на Наталии Петровне Арбеновой. Вскоре после свадьбы он познакомился с схимником Новоспасского монастыря, Филаретом, который успел внушить ему глубокое уважение к себе и беседы которого он очень полюбил; это тоже оставило свой след на образе мыслей Киреевского.

В 1839 г. Киреевский был сделан почетным смотрителем Белевского уездного училища. В этом звании им была написана в 1840 г. и подана тогдашнему попечителю московского учебного округа графу Строганову записка: «О направлении и методах первоначального образования народа». В сороковых годах Киреевский искал кафедры философии в Московском университете, которая была тогда свободною, и по этому поводу им была составлена и представлена графу Строганову записка о преподавании логики, но намерению его не пришлось осуществиться, так как его, по видимому, как это ни странно, все еще продолжали считать неблагонадежным и опасным со времени запрещения «Европейца».

1846 год был для Киреевского, по его собственным словам, одним из самых тяжелых в жизни. Один за другим скончались в это время Дм. А. Валуев, А. И. Тургенев, А. А. Елагин, Н. М. Языков, все люди близкие и дорогие Киреевскому; наконец, в тот же год он потерял дочь. В литературной деятельности Киреевского произошел перерыв: в течение семи лет он не печатал ничего.

В начале 1852 года Кошелевым, под редакцию И. С. Аксакова, был издан «Московский сборник», и в первой книге его Киреевский напечатал в виде письма к гр. Е. Е. Комаровскому свою самую известную статью «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России». Эта статья не понравилась властям и выпуск журнала были прекращены.

В 1856 году, с наступлением некоторого улучшения в положении печати, в Москве стал выходить трехмесячный журнал «Русская Беседа», под редакцией Кошелева и при участии других московских друзей Киреевского. Во 2-й книге этого журнала, вышедшей в июне месяце, была напечатана другая известная статья Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии».

Весной 1856 года Киреевский поехал в Петербург для свидания с сыном, оканчивавшим курс в лицее; 10 июня он заболел там холерою и на другой день скончался на руках сына и двух друзей своей молодости — гр. Комаровского и А. В. Веневитинова. Тело было предано земле в Оптиной пустыни.

Личные качества Киреевского высоко ценились всеми знавшими его. Его любили и уважали не только люди одного с ним образа мыслей, но и различных с ним взглядов: может быть, ни с кем из славянофилов западники не поддерживали таких хороших отношений, как с И. В. Киреевским. По словам издавших его, Киреевский поражал необыкновенным изяществом речи, удивительною глубиною мысли и обширностью многосторонних познаний и вообще производил сильное впечатление своею личностью.

Сто лет тому назад Россия переживала события, по своей исторической значительности едва ли уступающие современным. В школе великих испытаний формировались основы русского государства, и в общении с общеевропейской культурой зарождалось наше национальное самосознание. Жизненный факт Великой России порождал стремление к постижению его духовных оснований. С точки зрения западников, средства этого постижения были даны западным просвещением. Результаты диктовались чертами русского характера, «русского духа». Россия переросла прежние формы своего исторического бытия. Та полная богатых и ярких событий, но в известном смысле все же «растительная» жизнь, которой она жила, перестала

соответствовать степени ее духовного возраста. Пробил час окончательного пробуждения русской мысли от предрассветной дремоты восемнадцатого века.

Становление самобытной русской философии начиналось с постановки и осмысления вопроса об исторической судьбе России. В напряженной полемике конца 30-х - 40-х гг. XIX в. о месте России в мировой истории оформились славянофильство и западничество как противоположные течения русской социально-философской мысли.

Главная проблема, вокруг которой завязалась дискуссия, может быть сформулирована следующим образом: является ли исторический путь России таким же, как и путь Западной Европы, и особенность России заключается лишь в ее отсталости или же у России особый путь и ее культура принадлежит к другому типу? В поисках ответа на этот вопрос сложились альтернативные концепции русской истории.

Философски осознать наше национальное призвание - такова задача, до которой доросла Россия к эпохе николаевского царствования. И как ни тяжелы были внешние условия ее духовной жизни, она эту задачу выполнила: в раннем славянофильстве проблема национального русского самосознания впервые получила философскую формулировку.

Славянофилы в своей трактовке русской истории исходили из православия как начала всей русской национальной жизни, делали упор на самобытный характер развития России, тогда как западники основывались на идеях европейского Просвещения с его культом разума и прогресса и полагали неизбежным для России те же исторические пути, которыми прошла Западная Европа. При этом следует учитывать, что ни славянофильство, ни западничество не представляли собой какую-то единую школу или единое философское направление: их сторонники придерживались разнообразных философских ориентаций.

Лидеры славянофильства - Алексей Степанович Хомяков (1804-1860), Иван Васильевич Киреевский (1806-1856), Константин Сергеевич Аксаков

(1817-1860), Юрий Федорович Самарин (1819-1876) - выступили с обоснованием самобытного пути развития России.

Славянофилы говорили: "Русские - не европейцы, они носители великой самобытной православной культуры, не менее великой, чем европейская, но в силу неблагоприятных условий исторического развития, не достигшей еще такой стадии развития какую достигла европейская культура.

Заслуги славянофилов, несмотря на романтизм и некоторую утопичность их воззрений на русское прошлое - велики.

Так, Киреевский философски обосновывает идею о самобытности исторического пути русского народа и самобытности русской культуры. А. Хомяков в своих богословских сочинениях поднимает православное богословие на высшую ступень, философски обосновывает идею соборности православной церкви и соборности русского народа. Эти идеи, так же, как и многие другие, развиваемые славянофилами, не что иное как древние русские идеи, забытые после Петровской революции.

Изучение истории у славянофилов было направлено на поиск устойчивых факторов, влияющих на исторический процесс. Такими факторами, по мысли славянофилов, не могли быть ни природно-климатические условия, ни сильная личность, а только сам народ как «единственный и постоянный действующий» в истории.

Славянофилы считали, что экономические, политические и другие факторы вторичны и сами определяются более глубоким духовным фактором - верою, обуславливающей историческую деятельность народов. Народ и вера соотносятся так, что не только вера создает народ, но и народ создает веру, причем именно такую, которая соответствует творческим возможностям его духа.

В 1832 г. Киреевский начинает выпускать журнал «Европеец». В первых двух номерах этого «журнала наук и словесности» публиковались произведения Жуковского и Баратынского, Н.М. Языкова и А.С. Хомякова. Тепло, отозвавшись о журнале, Пушкин обещал свое сотрудничество в нем. Несколько своих работ опубликовал в «Европейце» и сам Киреевский, в том числе первую часть статьи «Девятнадцатый век». Однако именно эта статья послужила поводом к запрещению издания журнала, и третий номер «Европейца», в котором должно было быть окончание «Девятнадцатого века», уже не вышел в свет. Основанием для запрета явилось мнение Николая I, узревшего в слове «просвещение» *свободу*, в «деятельности разума» - *революцию*, а в «искусно отысканной середине» - *конституцию*.

Запрещение «Европейца» вызвало протест передовой общественности. «Запрещение Вашего журнала, - писал Пушкин Киреевскому в июле 1832 г., - сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне, то есть на стороне совершенной безвинности». В защиту И. Киреевского выступили П.А. Вяземский, П.Я. Чаадаев, В.А. Жуковский, бывший тогда воспитателем наследника царского престола. Но ничто не помогло. Киреевскому было запрещено печататься на долгие годы, не смог он получить и кафедру философии в Московском университете.

Что же представляла собой статья «Девятнадцатый век»? Автор ее широкими мазками нарисовал картину смены прошлого века новым, обрисовав те изменения, которые произошли в науках, искусстве, философии и религиозных воззрениях. Характер европейского просвещения, по его мнению, «был прежде попеременно поэтический, исторический, художественный, философический», а в настоящее время, т. е. в первую треть XIX столетия, он становится «чисто *практическим*»; жизнь становится средством и целью бытия, вершиной и корнем «всех отраслей умственного и сердечного просвещения». Вместе с тем, отмечал он, «жизнь европейского просвещения девятнадцатого века не имела на Россию того влияния, какое она имела на другие государства Европы», и Киреевский ставит вопрос, который он будет решать всю свою жизнь: «Изнутри ли собственной жизни должны мы заимствовать просвещение свое или получать его из Европы? И какое начало должны мы развивать внутри собственной жизни?».

Отвечая на этот вопрос, Киреевский в своей статье вслед за французским историком Ф. Гизо определяет три начала, из которых «развивалась вся история новейшей Европы»: 1. «Влияние христианской религии». 2. «Характер, образованность и дух варварских народов, разрушивших Римскую империю». 3. «Остатки древнего мира». Сравнивая историю западноевропейских государств и России, Киреевский делает вывод, что роковое значение для России имел «недостаток *классического мира*», хотя «в России христианская религия была еще чище и святее». В Европе же «новейшее просвещение есть не отрывок, но продолжение умственной жизни человеческого рода». И таким образом, «государства, причастные образованности европейской, внутри самих себя совместили все элементы просвещения всемирного, соприкнутого с самою национальностью их».

По мнению Киреевского, сама история России свидетельствует о том, что сближение с Европой (а оно началось еще в допетровскую эпоху) дало возможность распространению просвещения «в *истинном смысле сего слова*», под которым он понимает «не отдельное развитие нашей особенности,

но участие в общей жизни просвещенного мира», развитие, имеющее *общечеловеческий* успех. В статье безусловно одобряются реформы Петра I, «ибо благоденствие наше зависит от нашего просвещения, а им обязаны мы Петру».

В этой статье мысли Киреевского созвучны «Философическим письмам» Чаадаева, к тому времени еще не опубликованным, но ходившим в списках. Неслучайно Чаадаев от имени Киреевского обратился с запиской к шефу корпуса жандармов и начальнику III Отделения графу Бенкендорфу, оправдывая и защищая от обвинений статью «Девятнадцатый век». Как оказалось, запрещение «Европейца» было своеобразной прелюдией к последовавшему через четыре года запрещению «Телескопа» из-за первого «Философического письма» Чаадаева.

Прозападническая направленность «Девятнадцатого века» выражена в статье четко и недвусмысленно. Автор ее выступает против тех, кто хочет «возвратить нас к коренному и стариннорусскому». Он убежден в том, что «у нас искать национального — значит искать необразованного; развивать его за счет европейских нововведений — значит изгонять просвещение, ибо, не имея достаточных элементов для внутреннего развития образованности, откуда возьмем мы ее, если не из Европы?».

В Москве он организует в своем доме вечера («Среды»), на одном из которых зимой 1838-1839 гг. Хомяков прочитал свою статью «О старом и новом». В 1839 г. Киреевский читает статью «В ответ А.С. Хомякову». Обе статьи расходятся в списках, активно обсуждаются в салонах и, будучи первыми программными сочинениями славянофильского направления, способствуют делению общества на «своих» и «чужих».

В этой своей статье 1839 г. Киреевский ставит, в сущности, ту же проблему, что и в статье «Девятнадцатый век»: «Нужно ли для улучшения нашей жизни теперь возвращение к старому русскому или нужно развитие элемента западного, ему противоположного?». Однако решение этой проблемы в данной статье и последующих его трудах имеет совершенно иную

идейную направленность. Он и в 1839 г. придерживается, как и ранее, концепции, согласно которой европейская образованность складывается из трех начал, или элементов. Но если раньше «недостаток классического мира», по его словам, имел пагубный результат для России, то теперь Киреевский полагает, что этот «недостаток» оборачивается достоинством.

Дело в том, что «классический мир древнего язычества, не доставшийся в наследие России, в сущности своей представляет торжество формального разума человека над всем, что внутри и вне его находится». «Начало рационализма», как считает Киреевский, вобрало в себя западное христианство - католическая церковь. «Поэтому, - заключает он, - и характер образованности европейской отличается перевесом рациональности». Положительно оценивая «все отдельные выгоды рациональности» (удобства «жизни общественной и частной, которые произошли от того же самого рационализма»), русский мыслитель считает рациональность «началом односторонним, обманчивым, обольстительным и предательским», ведущим к «нравственной апатии», к недостатку убеждений, всеобщему эгоизму.

Рационализм в виде «логического начала» проник в католицизм, породив схоластическую философию. Эта философия «силою разумных доводов» подчинила разум вере, тем самым формализуя саму веру, логически противопоставляя веру разуму. Таким образом, рационализм становится врагом разума: «...по причине рациональности своей западная церковь является врагом разума, угнетающим, убийственным, отчаянным врагом его». Рациональность католицизма породила и рациональность протестантизма. Отсюда выводится и антирелигиозность европейского просвещения.

Источник благотворного воздействия на Россию Киреевский усматривает в православии, которое «не знало ни этой борьбы веры против разума, ни этого торжества разума над верою». В противоположность Западу с его рационализмом и эгоизмом, где «каждый сам по себе», где свобода в низших слоях общества является произволом, а произвол «в правительственном классе» - «самовластием», в России, по Киреевскому,

утверждаются иные принципы. Здесь «человек принадлежал миру, мир ему». «Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества». В противоположность Европе, в которой «науки как наследие языческое процветали так сильно», «но окончились безбожием как необходимым следствием своего одностороннего развития», в России «собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам». Речь идет об учении восточных отцов церкви, произведения которых переводились, читались, переписывались и изучались «в тишине наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов». Монастыри, находившиеся «в живом, беспрестанном соприкосновении с народом», были источником народного просвещения. В статье Киреевского это просвещение характеризуется как «не блестящее, но глубокое; не роскошное, не материальное, имеющее целью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное, это устройство общественное, без самовластия и рабства, без благородных и подлых».

Какова же идейная программа славянофилов? Они считали, что «было бы смешно, когда бы не было вредно», воскрешать насильственно «прошедшее России», ставшие мертвыми формы русского быта. Но следует сохранять «оставшиеся формы» как надежду на то, что «когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее церковь».

Философские идеи первой своей славянофильской статьи Киреевский развивает в статье «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (1852) и в неоконченном труде «О необходимости и возможности новых начал" для философии», посмертно опубликованном «Русской беседе» в 1856 г. одновременно с некрологом, написанным А.С. Хомяковым.

В статье «О характере просвещения Европы...» подчеркивается, что под руководством учения св. отцов православной церкви «сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта». И если «западный

человек раздробляет свою жизнь на отдельные стремления», связывая их лишь «рассудком в один общий план», то «русский человек каждое важное и неважное дело свое всегда связывал непосредственно с высшим понятием ума и с глубочайшим средоточием сердца».

В связи с этим Киреевский решительно противопоставляет «Святую Русь» Западу по разным основаниям. В отличие от западных стран, считает он, на Руси «не было ни завоевателей, ни завоеванных», «все классы и виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями, одинаковою потребностью общего блага»; в то время как на Западе господствует «личное право собственности», в России «общество слагалось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность». Отсюда выводится общинное землевладение, правда ограниченное правом помещика, обусловленным его, помещика, личными заслугами перед государством. Киреевский проводит различия между западным и русским человеком в его нравственном облике и в его эстетическом отношении к миру: на Западе «та же раздробленность духа, которая в умозрении произвела логическую отвлеченность, в изящных искусствах породила мечтательность и разрозненность сердечных стремлений».

Даже единомышленники Киреевского А.С. Хомяков, К.С. Аксаков и И.С. Аксаков полагали, что в статье «О характере просвещения Европы...» Древняя Русь представлена идеализированно. Однако достойно внимания то, что Киреевский чужд какого бы то ни было философствования о преимуществах русского ума и быта. Как он писал в этой же статье, «не природные какие-нибудь преимущества словенского племени заставляют нас надеяться на будущее его процветание, нет!». Источником драгоценных для него особенностей русского ума, чуждого логической односторонности, лежащего в основе русского быта, являются «чистые христианские начала», ибо со времени своего возникновения христианство боролось «с тем

состоянием духовного распада, где односторонняя рассудочность отрывается от других сил духа».

Киреевский также сравнивает семейную жизнь в России и в Европе. До сих пор сохраняется характер семейной цельности в русском крестьянском быту. «Каждый член семьи, при всех своих беспрестанных трудах и постоянной заботе об успешном ходе всего хозяйства, никогда в своих усилиях не имеет в виду своей личной корысти. Цельность семьи есть одна общая цель и пружина. Весь избыток хозяйства идет безотчетно одному главе семейства: все частные заработки сполна и совестливо отдаются ему. И притом образ жизни всей семьи обыкновенно мало улучшается и от излишних избытков главы семейства; но частные члены не входят в их употребление и не ищут даже узнать величину их. И теперь еще можем мы ежедневно видеть, как легко при важных несчастиях жизни, как охотно, скажу даже, как радостно один член семейства всегда готов добровольно пожертвовать собою за другого, когда видит в своей жертве общую пользу своей семьи».

На Западе же наблюдается ослабление семейных связей. «В высших слоях европейского общества семейная жизнь... весьма скоро стала даже для женщин делом почти посторонним. От самого рождения дети знатных родов воспитывались за глазами матери».

Киреевский пишет, что на Западе дочери воспитываются вне семьи, за непроницаемыми стенами монастырей. «Переступая через порог монастыря только для того, чтобы идти под венец, она (будущая мать семейства) тем же шагом вступала в заколдованный круг светских обязанностей, прежде чем узнала обязанности семейные». «Самолюбивые и шумные удовольствия гостиней заменяли ей тревоги и радости тихой детской. Скоро для обоих полов блестящая гостиня обратилась в главный источник удовольствий и счастья, в источник ума и образованности, в источник силы общественной, в господствующую и всепоглощающую цель их искусственной жизни».

«На Западе роскошь была не противоречие, но законное следствие раздробленных стремлений общества и человека; она была, можно сказать, в

самой натуре искусственной образованности. Ей не уступали как слабости, но, напротив, гордились ею как завидным преимуществом».

«Русский человек больше золотой парчи придворного уважал лохмотья юродивого. Роскошь проникала в Россию, но как зараза от соседей. В ней извинялись, ей поддавались, как пороку, всегда чувствуя ее незаконность, не только религиозную, но и нравственную и общественную».

Киреевский подводит итоги своему разбору европейской культуры и русской. Он пишет, что главной чертой европейской культуры является раздвоение всей совокупности и всех отдельных видов бытия человеческого, общественного и частного. «В России, напротив того, преимущественное стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного». Таким образом, «раздвоение и цельность, рассудочность и разумность будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности».

И вот здесь Киреевский ставит недоуменный вопрос. «Отчего же образованность русская не развилась полнее образованности европейской прежде внедрения в Россию просвещения западного? Отчего не опередила Россия Европу? Отчего не стала она во главе умственного движения всего человечества, имея столько залогов для правильного и всеобъемлющего развития духа?».

Вот как решает эту проблему сам Киреевский.

«Особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней».

Следует признать, что и сейчас научный интерес к личности и творчеству И.В. Киреевского остается на относительно невысоком уровне. С начала 1980-х гг. и до настоящего времени в России о нем написано только 5 диссертаций, небольшое количество статей и ни одной полноценной монографии. Для сравнения стоит заметить, что за рубежом только до середины 1970-х гг. появилось не менее 5 фундаментальных книг,

посвященных жизни и сочинениям этого мыслителя. Отсюда - такое обилие ошибок в энциклопедических и обзорных характеристиках И.В. Киреевского. Так, мы встретим в литературе утверждения о том, что Киреевский был типичным славянофилом, хотя об этом сам автор достаточно ясно написал в письме «московским друзьям», по пунктам назвав свои с ними расхождения. Другая традиционная версия творческой эволюции мыслителя заключается в том, что «западник» в молодости, Киреевский в 1830-1840 гг. преодолел влияние немецкой философии и пришел к славянофильству. При этом решающую роль в этом «обращении» обычно отводят его жене, брату и А.С. Хомякову. Действительно, изменение воззрений мыслителя после запрета «Европейца» невозможно не заметить. Однако и такая трактовка имеет слабые места: она игнорирует как известную преемственность в развитии философско-исторических идей Киреевского, так и его своеобразную позицию в отношении славянофильского кружка, изложенную, например, в 1844 г. в письме А.С. Хомякову: «Может быть, вы считаете меня заклятым славянофилом, и потому предлагаете мне «Москвитянин»... То на это я должен сказать, что этот славянофильский образ мыслей я разделяю только отчасти, а другую часть его считаю дальше от себя, чем самые эксцентрические мнения Грановского».

Среди современных исследователей возобладал более взвешенный подход. Его родоначальником можно считать дореволюционного историка литературы А. Кинги, который заметил, что «как славянофильство, так и западничество Киреевского, будучи отдельно взяты, не выдерживают критики по существу», и что «если уж давать какое-нибудь имя Киреевскому с его миропониманием, то оно может быть названо национал-либералом». Того же мнения придерживается, в сущности, Э. Мюллер, в оценке которого Киреевский - не славянофил в полной мере, а последовательный шеллингианец, лишь в поздний период своего творчества нашедший в святоотеческой традиции основания для «положительного» наполнения «отрицательной» философии своего идейного вдохновителя Шеллинга. И

решающую роль в этом развитии Мюллер отводит восприятию Киреевским новейших тенденций в европейской философии позицию по этому вопросу занимает Э. Глисон, который подчеркивает, что обращение к религии и церковной традиции было закономерным этапом в становлении славянофильского мировоззрения Киреевского. Истоками этого мировоззрения американский ученый считает как европейский «романтический консерватизм», так и российские особенности дворянской культуры: «салонность», «разговорность», поиски «духовной целостности» русским масонством XVIII в., постдекабристскую оппозиционность аристократии николаевскому режиму.

Наконец, свое воздействие на мировоззрение и философию И.В. Киреевского оказал и сам ход исторического развития России и Европы в период его жизни. Сын своего века, он участвовал в тайном обществе, каких было немало в Александровской России, где читал не только немецких философов, но и французских либералов, а в декабре 1825 г. вместе с другими членами этого кружка учился верховой езде и фехтованию, чтобы революционные события не застали их врасплох. По словам хорошо знавшего его А.И. Кошелева, Киреевский «перебывал локкистом, Спинозистом, Кантистом, Шеллингистом, даже Гегельянцем». Он анализировал современные ему литературные явления, спорил о достоинствах и недостатках религий, реагировал на революции в европейских странах, обсуждал проекты отмены крепостного права - словом, несмотря на свою погруженность в философские материи, Киреевский был весьма и весьма современен.

Главная заслуга И.В. Киреевского в формировании славянофильского течения русской общественной мысли, как представляется, состоит не столько в формулировке конкретных положений, сколько в нахождении исходного метода всей философской публицистики славянофилов. Им стал метод сравнительно-исторической типологизации. Во всех своих программных статьях мыслитель проводил последовательное сравнение истоков и направлений развития европейской и русской культурных традиций. И каждая

из этих традиций изображалась им как самостоятельный тип интеллектуальной эволюции, для которого характерны свои особенности. Вопрос о взаимоотношении этих двух типов представлялся философу одним из главных для понимания сущности русской культуры и места России в мире, о чем он писал: «Как же относится русское просвещение к европейскому? - На этот вопрос слышим мы ежедневно столько же ответов, сколько встречаем людей, почитающих себя образованными. Между тем от понятия, которое мы имеем об отношениях России к Европе, зависят наши суждения о том, что может ускорить или замедлить наше просвещение; о том, к чему мы должны стремиться и чего избегать; о том, что нам полезно и вредно, что мы должны заимствовать у соседей наших и чего удаляться, и следовательно, вся совокупность наших мыслей о России, о будущей судьбе ее просвещения и настоящем положении; вся совокупность наших надежд и ожиданий; вся совокупность наших желаний и ненавистей, и - если мы хотим быть согласными сами с собою - самый характер нашей практической деятельности, посредственно или непосредственно, должен зависеть от того понятия, которое мы имеем об отношении русского просвещения к просвещению остальной Европы».

«Конечно, немногие еще оценят вполне И.В. Киреевского, но придет время, когда наука, очищенная строгим анализом и просветленная верою, оценит его достоинство и определит не только его место в поворотном движении русского просвещения, но еще и заслугу его перед жизнью и мыслью человеческою вообще. Выводы, им добытые, сделавшись общим достоянием, будут всем известны; но его немногие статьи останутся всегда предметом изучения по последовательности мысли, постоянно требовавшей от себя строгого отчета, по характеру теплой любви к истине и людям, которая везде в них просвечивает, по верному чувству изящного, по благоговейной признательности его к своим наставникам - предшественникам в путях науки даже тогда, когда он принужден их осуждать, и особенно по какому-то глубокому сочувствию не высказанным требованиям всего человечества,

алчущего живой и животворящей правды». Последние слова Хомякова, как мы видим, оказались пророческими.

Список литературы

1. Благова Т.И. Родоначальники славянофильства: А. Хомяков и И. Киреевский. - М., 1995.
2. Евлампиев И.И. История русской философии: Учеб. пособие для студ. вузов. - М.: Высшая школа, 2002.
3. Зеньковский Василий Васильевич. История русской философии: В 2 т. - М.: Аст, 1999.
4. История философии в кратком изложении / И.И. Богута. - М.: Мысль, 1995.
5. Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т.1. Философские и историко-публицистические работы / Составление, примечания и комментарии А.Ф. Малышевского. - Калуга: Изд. пед. центр «Гриф», 2006.
6. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. // И.В. Киреевский. Избр. Статьи. - М., 1984.